

Е.В.ПРОКУРАТОВА

ЭПИСТОЛЯРНОЕ НАСЛЕДИЕ УДОРСКИХ СТАРОВЕРОВ

Эпистолярное творчество является неотъемлемой частью культурного наследия любой письменной традиции, исследование которого освещает малоизученные стороны жизни той или иной эпохи. Произведения эпистолярного жанра занимают важное место в рукописной культуре старообрядцев Удорского края и нередко включаются в рукописные сборники, созданные местными книжниками. В настоящей статье мы остановимся на частной переписке удорских староверов (1), изучение которой поможет восстановить историю местных старообрядческих толков и отчасти реконструировать их религиозные убеждения.

Материалом для нашего исследования послужили письма удорских староверов и их духовных наставников, проживающих за пределами Удорского края, конца XIX–середины XX вв. Одни из этих писем входят в состав Мезенского собрания Древлехранилища им. В.И.Малышева ИРЛИ (2), другие хранятся в частных собраниях местных жителей и зафиксированы в ходе археографических экспедиций в Удорский район исследователями Сыктывкарского университета (3). На сегодняшний момент в нашем распоряжении имеются несколько старообрядческих писем, большинство из которых относятся к концу XIX–началу XX вв., остальные – к середине XX в. Отдельные письма входят в частные архивы удорских жителей, бережно хранятся и перечитываются потомками прежних староверов наряду с прочими рукописными сочинениями.

Большая часть известных нам частных посланий написана последователями скрытнического согласия, которое появилось на Удоре во второй половине XIX в. и стало со временем одним из самых влиятельных старообрядческих движений, последователи которого играли значительную роль в жизни староверов края. Привлеченные эпистолярные материалы наряду с рукописными сборниками, созданными в скрытнической среде, представляют

серьезную источниковую базу для изучения внутренней жизни сторонников этого согласия, являвших собой достаточно закрытую социальную группу.

Сохранившаяся переписка лишний раз свидетельствует о том, что удорские староверы находились в постоянном сообщении со своими единоверцами из различных севернорусских регионов – Каргополья, Мезени, Пинеги. Удорские скрытники наладили прочные контакты с единоверцами из Каргопольского уезда, где находился своего рода скрытнический центр (4). Многие из местных последователей этого согласия подолгу жили в Каргопольских скитах, перенимая у своих духовных учителей основы вероучения; из Каргополья на Удору приезжали наставники – "старшие", под руководством и попечительством которых находились удорские скрытники.

По всей видимости, каргопольские, а вслед за ними и скрытники Удоры, в большинстве своем принадлежали к толку статейников (5), со временем превратившемуся в сильную организацию с жесткой иерархией, сформированную по образцу православной церкви (6). По свидетельству М.И.Залесского, каргопольского скрытника XX в., перу которого принадлежит несколько исторических сочинений (7), каргопольские старцы имели постоянные связи с Ярославской "братией", а постановления скрытнических соборов посылались на утверждение "большаку" Никите Семенову, авторитет которого на протяжении нескольких лет был непререкаем. По материалам скрытнического собора, "православные крыющиеся христиане" находились под руководством старших наставников "в пример и подобие по управлению бывших священных властей, то есть в пример епископа предельный старший, в пример митрополита областный, в пример патриарха преимущий старший" (8).

В кругу частных посланий удорских старообрядцев типологически можно выделить письма "исторического" характера, письма-наставления и письма бытового характера (просьбы / благодарения / "уведомления"). Однако отметим, что в этих письмах зачастую встречаются сведения самого различного характера, и потому отнесение определенного послания к одному из обозначенных типов следует признать условным.

Письма удорских скрытников конца XIX–начала XX вв. в боль-

шинстве своем адресованы каргопольским старцам. Одно из рассматриваемых посланий исторического характера конца XIX в. обращено к наставникам Авраамию Ивановичу, Савве Ивановичу и "прочим о Христе братиям и сестрам", проживающим в Каргополье, и подписано инициалами Ф.Л. (9). Мы предполагаем, что автором этого письма является Феофан Лукич Бутаков, известный в свое время мезенский скрытник, предельный старший (10), в ведении которого, по всей видимости, находился какое-то время и Удорский край.

Отметим, что в скрытнических письмах, как правило, не встречаются фамилии наставников и рядовых странников, и зачастую письма подписываются лишь инициалами, известными узкому кругу лиц, что значительно затрудняет атрибуцию этих посланий. Данная особенность обусловлена, с одной стороны, ситуацией, сложившейся вокруг скрытников, которые опасались преследований и арестов со стороны полиции как люди, наиболее "опасные" для государства; с другой стороны, принимая скрытничество, его последователи получали при крещении новое имя, оставляя свою "мирскую" фамилию.

На основании сведений, почерпнутых из заметок М.И.Залесского (11), можно заключить, что один из упомянутых в этом письме старцев – Авраамий Иванович – занимал видное место в скрытнической иерархии, выполняя с 1885 г. до своей смерти в 1895 г. обязанности предельного старшего. Можно предположить, что данное письмо было написано в пределах этих 10 лет.

В письме упоминаются селения Удорского края, в которых традиционно проживали местные скрытники – Верхозерье, Чупрово, Коптюга, – регулярно навещаемые старшим предела. Из текста послания видно, что последователи скрытничества находились под пристальным вниманием официальных властей, в частности полиции. Последняя, согласно традиционному для скрытников видению мира, именуется антихристом, которому "желательно изловить нашу худость". Основной акцент в этом письме поставлен на описании "гонительного времени" и "тайного пришествия антихриста"; автор письма замечает, что "мы ныне находимся нащет прожития в великой опасности, ибо послы поиска в Чупрове приставлен нарочито оурядник до Пасхи и до весны. А в Важгортском правлении тайная полиция. А потому мне и прихо-

дит[ся] иметь особенная осторожность и опасность в прожитии наиболее прочих" (12).

Известные нам бытовые письма написаны в конце XIX–начале XX вв. удорскими жителями, которые посылали в Каргополье "святую милостыню", получая оттуда необходимые для богослужения предметы культа, иконы, рукописные книги, созданные известными книжниками и иконописцами. В большинстве своем эти послания адресованы Прохору Филипповичу Ильину, скрытническому наставнику, родом из д.Муфтюги Удорского края, однако прожившему почти всю свою сознательную жизнь в Каргопольском уезде, где он на протяжении нескольких лет осуществлял руководство скрытнической братией, занимая должность помощника предельного старшего. В письмах удорских крестьян в основном содержатся сведения бытового характера – "уведомления" о посылке валенок, масла, "утерника", просьба прислать иконы и т.п. (13). Между тем, в отдельных письмах попутно сообщается о быте местных скрытников, упоминаются их имена, что в целом освещает картину внутренней жизни местных последователей скрытнического согласия. В одном из писем в Каргополье к старцу Прохору Филипповичу, написанном Никитой Филипповым, сообщается о том, что готова "келья", где проживают христиане Стефан Петр., Васса Дмитриева и "еще старии о Христе Исусе Господе нашем превозлюбленным" (14). Подобные письма свидетельствуют о существовании тесных контактов удорских скрытников с Каргополем, который являлся для местных староверов своего рода духовным центром; к тому же такие взаимосвязи, возможно, были обусловлены и родственными отношениями Прохора Филипповича с удорчанами. К сожалению, до нас не дошли письма самого Прохора Филипповича, который отличался большой начитанностью в области духовной литературы, был талантливым иконописцем и книжником. Имя этого наставника не раз упоминается в миссионерских отчетах (15), о нем неоднократно рассказывали и местные старожилы. Прохор Филиппович несомненно оказывал сильное влияние на удорских скрытников и пользовался у них непрекословным авторитетом и доверием. Можно предположить, что столь быстрому распространению скрытнического вероучения в Удорском крае способствовало выдвижение на такую высокую ступень в скрытнической

иерархии человека, происходившего из этих мест.

Помимо скрытнических посланий конца XIX в., у нас имеются письма Ивана Малахиевича Матева, влиятельного удорского книжника (16), своему духовному наставнику Ивану Александровичу Бурачнину, жившему на Пинеге, и ответы на них последнего (17). Известно, что И.М.Матев начал исповедовать рахмановскую веру (18), отделившись от своих бывших единоверцев – последователей бозовского толка и совершив над собой обряд самокрещения, и был отлучен от "церкви Христовой" местными наставниками. Письма И.М.Матева, адресованные своему духовному учителю, можно определить как письма-"просьбы", поскольку в них содержится просьба найти в соответствующей духовной литературе – Поморских ответах, старопечатных Прологах и Минеях – жития святых, совершивших над собой подобный обряд самокрещения. И.М.Матев сомневается в правильности своего решения, замечая в письме: "я крайне опасаюсь крестится вторительно, ибо я видал в древних книгах, в правилах святых отец, аще кто крестится второе, тот второе распинает Христа. Иван Александрович, примите для меня, многогрешнаго, преизлишний труд, напишите о сих святых, кои сами себя крестили и Богу угодили" (19). Ответ И.А.Бурачнина своему духовному сыну содержит наставление не сомневаться в правильности выбранного решения. Выполняя просьбу И.М.Матева, наставник находит жития святых, о которых спрашивает его духовный сын, и тем самым подтверждает мысли И.М.Матева, подводя под отделение рахмановского толка идеологическую основу.

Письма И.М.Матева, в первую очередь, свидетельствуют о разногласиях исповедального характера, существовавших между представителями местных старообрядческих толков. Ценность этой переписки заключается прежде всего в том, что она представляет собой достаточно редкое явление, когда до нас дошли письма обеих сторон. Между тем, большинство из сохранившихся писем – это только послания одной стороны.

Касаясь эпистолярного творчества скрытников XX в., отметим, что несмотря на проводившиеся в 30-е годы XX в. репрессии по отношению к последователям этого согласия, отдельные приверженцы данных радикальных убеждений еще проживали в удорских селениях в середине XX в. В 50–60-е годы удорские

скрытники установили прочные контакты со своими единоверцами, проживающими в Вологодской области, о чем свидетельствует сохранившаяся переписка и что подтверждают рассказы местных жителей. Большая часть этих писем, хранящаяся в частных собраниях удорских жителей, написана в середине XX в. вологодскими скрытниками и адресована единоверцам с Удоры, которые побывали у своих духовных наставников и затем не раз обращались к ним за советом.

В нашем распоряжении имеются 4 письма вологодских старец, которые написаны гражданским письмом на листах из школьной тетради и представляют собой наставления духовным детям. На сегодняшний день известны три корреспондентки – жительницы Удорского края, к которым писали вологодские скрытницы: Анисья Аврамовна Коровина, Дарья Алексеевна Коровина, Александра Николаевна Федорова.

В письме, подписанном словами – "ваши знакомые старушки", авторы обращаются к Дарье Алексеевне Коровиной (д.Муфтюга), которая, приняв скрытническое крещение, выполняла роль наставницы в кругу своих односельчан, совершая различные богослужебные обряды. В двух письмах, адресованных старице Дарье, поднимается вопрос о получении пенсии. Авторы послания, обеспокоенные состоянием духа своей подопечной, настоятельно советуют отказаться от получения денег от государства, поскольку это, по их мнению, является отступлением от христианской веры; они замечают: "Это правда деньги Вами заработанные у государства. Это не вредит взять деньги. А что вредит христианской вере? Это всякая запись в год, месяц и число. Христиане принимают только ту запись, тот новый год, который сам Христос Спас постановил и все святые апостолы, и все святые"(20). Особая обеспокоенность авторов письма вызвана тем, что от старицы Дарии получают крещение ее односельчане, а "она сама в повреде".

Одно из писем вологодских скрытников адресовано Александре Николаевне Федоровой, проживавшей в д.Муфтюге Удорского района, которая побывала у своих единоверцев в 50–60-х годах, собираясь принять скрытническое крещение. Однако она не была крещена по скрытническому обряду в силу того, как замечается в одном из посланий, что решила принять веру, "не разоб-

равшись и не утвердившись, что жить будет как христианка" (21). Это письмо характеризует отношение скрытников к обрядам крещения и исповеди, к вере как таковой, и свидетельствует о том, что далеко не каждый человек мог удостоиться скрытнического крещения.

Наиболее интересным и заслуживающим особого внимания является послание вологодских стариц одной из последних скрытниц д.Верхозерье Удорского края – Анисье Аврамовне Коровиной (скрытническое имя Галина, ум. 1972 г.) (22), которая, оставив в 20-е годы XX в. скрытническое согласие, вышла в мир, была замужем, но позднее, после смерти мужа, вновь обратилась к скрытничеству, выполняя на протяжении нескольких лет роль духовной наставницы своих односельчан.

В послании-наставлении к старице Галине, написанном на 9 листах из школьной тетради, присутствуют ценные сведения бытового и религиозного характера, рекомендации по проведению богослужебных обрядов, что во многом позволяет реконструировать вероисповедальные обряды сторонников скрытничества XX в. Данное письмо можно разделить на две палеографически обособленные части: в первой в основном встречаются бытовые сведения – благодарение за "святую милостыню", приглашение в гости; последняя часть представляет собой, по всей видимости, выписки из скрытнических соборных постановлений, которыми руководствовались вологодские скрытники при совершении церковных таинств и на которые, видимо, ориентировались и их удорские единоверцы. Примечательно, что бытовая часть письма написана гражданской скорописью, в то время как текст обрядового характера ориентирован на печатный шрифт кириллических книг. В зависимости от характера материала меняется почерк: религиозно-обрядовые тексты не могли быть написаны гражданским письмом, поскольку произведения такого рода писались полууставом, а позднее почерком, подражающим печатному тексту. Возможно, что использование почерка, подражающего печати, обусловлено тем, что данный текст был выписан из соборных постановлений, которые переписывались полууставом в рукописные сборники наряду с другими догматико-полемическими сочинениями.

Авторы письма четко отграничивают последователей скрытни-

ческого вероучения от других старообрядческих согласий, именуя скрытников "христианами без повреждения", а само учение – "правой верой". Подобное утверждение вполне согласуется с учением старца Евфимия, основателя страннического согласия, который считал, что только странник является истинным христианином, способным избежать "антихристовой печати", признававшейся в трехперстном крестном знамении, паспорте, любого рода документах (23).

Согласно скрытнической традиции, ее последователи из всех существующих церковных таинств принимали только чин крещения и исповеди, отвергая официальное священство, таинство причащения и брака. Приобщение к "правой вере" по скрытническому обряду, как свидетельствует рассматриваемое письмо, осуществляется путем совершения двух "начал". Первое "начало" – "Отступление от мирской жизни" – рассчитано на крещенных по скрытническому обряду, но в силу обстоятельств, отлученных от "истиной веры", и на вновь "приходящих", решивших обратиться в скрытники. Вторая ступень перехода в скрытничество – "Приобщение к церкви" – включает обещание исполнять церковные обряды и таинства, приемлемые скрытникам – крещение и покаяние, – которые совершаются "по крайней необходимости и нужде, и по случаю гонительного времени и преследования от антихриста" (Л.5).

Авторы послания, обращаясь к Галине Аврамовне, замечают, что после совершения этих начал "можите уже крестить. А больше не надо вернут[ь]ся в мирскую жизнь и от пенсии надо отказаться" (Л.2об.). По всей видимости, старица Галина в период написания этого послания находилась в "отступлении от веры" и потому не могла совершать "скрытнических" церковных обрядов. Возможно, таинство, приобщающее к "истинной" церкви, которое необходимо было произвести Галине Аврамовне, было совершено путем произнесения текста, выписанного из соборных постановлений. Подобное "неканоническое" совершение этого обряда было обусловлено разного рода обстоятельствами, и в первую очередь, изменением социальной действительности, отсутствием в то время на Удоре близких по духу единоверцев, которые бы провели обряд в "полагающемся" виде. Старица Галина, совершив необходимые обрядовые действия, расписывается об

этом в самом письме (о чем свидетельствует запись, сделанная ее рукой): "Свидетельствую присутствующим на соборе". Таким образом, весь церковный обряд был соблюден, хотя и с учетом определенных изменений в его проведении. Данный факт, на наш взгляд, ярко демонстрирует отношение к тексту как таковому и, в целом, характеризует сознание скрытников середины XX в.

Помимо двух "начал", приобщающих церкви, в письме приводятся "вопросы-согрешения", которые следует использовать во время совершения исповедальных обрядов. "Чин исповеди" состоит из 14 вопросов, раскрывающих отступления от "веры", которыми считаются сомнение в скрытнической жизни и учении; соблазн в мирской жизни; поклонение мирским иконам в домах "неверных"; название "еретическою церковь церковию, а попа попом"; причисление скрытника к числу граждан местных жителей и наименование его гражданином; сомнения по поводу существования загробной жизни и т.д. (Л.6–6об.).

В заключении письма авторы приводят "начала" для истинных скрытников – "христиан без повреждения", которым пришлось по какому-то случаю "смирщиться". Причем эти "начала ко исправлению греха" отражают реалии нового времени. Отступлением от веры считается участие в выборах "неблагочестивой власти", получение пенсии, признание своих гражданских прав, "подписание к ложному числу нового стиля". Подобные действия названы "повреждением православной христианской веры и косвенным присоединением к падшему Вавилону" (Л.8об.).

Практически в каждом письме, независимо от времени его написания, звучат темы смерти, спасения души, покаяния. Особенно настойчиво эти темы поднимаются в письмах вологодских скрытниц, написанных в середине XX в. Обращаясь к Д.А.Коровиной, они рекомендуют отказаться от мирских соблазнов, от всякого рода отношений с властями, воплощающими в себе антихриста. Подобные рассуждения приводятся здесь с одной целью – спасти грешные души своих духовных детей: "уж старинькая, вот и мы очень безпокоимся за тебя. Если ты в неисправности и умрешь, на имя тебя поминать нельзя"; "не знаешь, долго ли проживешь, а вдруг смерть, и не ожидаешь ее" (24). В посланиях вологодских стариц, адресованных удорским единоверцам, присутствует единая направленность – во всех письмах духовные

пастыри, обеспокоенные состоянием внутреннего мира своих подопечных, наставляют и увещевают своих духовных детей.

Интересна и сама форма старообрядческих посланий, в которых встречаются традиционные формальные признаки эпистолярного жанра – характерные зачин и концовка, устойчивые эпитеты и словесные формулы, позволяющие говорить об ориентации староверов конца XIX–XX вв. на определенные образцы произведений эпистолярного жанра древнерусской письменности.

Привлеченные для исследования письма, как правило, начинаются с традиционного приветствия – сообщения о получении письма, пожелания здоровья "душевного" и "телесного". Причем традиционно обращение к последователям скрытнического согласия (к собственно скрытникам, но не странноприимцам) – старец и старица, не зависимое от возраста последних, хотя зачастую, особенно в XX в., странниками становились престарелые люди. Концовка данных писем – постоянная словесная формула, переходящая из одного произведения в другое, – "кланяюся до лица земли", "простите Христа ради", "шлем по низкому поклону".

В заключение заметим, что эпистолярное творчество удорских староверов охватывает значительный промежуток времени со второй половины XIX – до середины XX вв. Специфика временного промежутка несомненно оказала определенное воздействие на проблематику и стиль этих писем, в которых присутствуют различные временные реалии. Между тем в этих посланиях затрагивается единый круг тем – последнее "гонительное" время, пришествие антихриста, проблема спасения, что в целом обусловлено традиционализмом сознания старообрядцев и их ориентацией на духовную культуру прошлого времени.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. О схожей эпистолярной традиции усть-цилемских старообрядцев см.: Мелихов М.В.: Архив печорского книжника С.А.Носова в фондах НБ Сыктывкарского университета // Устные и письменные традиции в духовной культуре Севера. Сыктывкар,1989. С.31—40; он же. Печорский книжник XX в. С. А. Носов и его эпистолярное наследие // Мир старообрядчества. Вып.1. Личность. Книга. Традиция. М.;СПб.,1992. С.71—81.

2. См.: Прохоров Г.М. За рукописями на Мезень и Вашку // ТОДРЛ.

М.; Л.,1964. Т.20. С.404—408.

3. См.: Власов А.Н., Савельев Ю.В. Некоторые проблемы генезиса старообрядческой книжной культуры (по материалам археографических экспедиций Сыктывкарского университета) // Источники по истории народной культуры Севера: Межвуз. сб. науч. тр. Сыктывкар,1991. С.105—111.

4. Подобные сведения встречаются в архивных источниках (ВУФ ГАВО) и подтверждаются рассказами местных жителей, зафиксированными в ходе археографических экспедиций.

5. Образование данного толка страннического согласия связано с именем Никиты Семенова, который в 1863 г. составил статьи для управления братством, в силу чего его последователи стали именоваться странниками-"статейниками".

6. См.: Дутчак Е.Е. Старообрядческое согласие странников (вторая половина XIX—XX вв.) / Автореф. дис. на соиск. уч. ст. канд. истор. наук. Томск,1994. С.9—10; Мальцев А.И. Староверы-странники в XVIII—первой половине XIX в. Новосибирск,1996. С.190—217; Пятницкий И.К. Секта странников и ея значение в расколе. Сергиев Посад, 1906. С.107—108.

7. Сочинения М.И.Залесского, как правило, основаны на трудах дореволюционных и советских историков и отчасти пополнены собственными воспоминаниями и размышлениями человека, происходившего из скрытнической среды.

8. НБ Сыкт. ГУ. Вашк. собр., № 22. Сборник скрытнический. XX в. (первая четверть), в 4-ку, 240 л. Л.211.

9. Письмо Ф.Л. старцам Авраамию Ивановичу и Савве Ивановичу с прочими братьями и сестрами. XIX в. (конец), в 4-ку, 2 л., полуустав // ИРЛИ. Мезен. собр. № 73.

10. См.: Бударагин В.П. Мезенские находки // ТОДРЛ. Л.,1988. Т.42. С.412.

11. Залесский М.И. Исторический очерк каргопольских странников в биографиях их руководителей за 1845—1940 гг. БАН. Карг. собр., №78.

12. ИРЛИ. Мезен. собр., №72. Л.1.

13. Письмо крестьян Чупровской деревни П.И. и Д.И. Давыдовых к Прохору Филиппову. XIX в. (конец), в 8-ку, 2л., скоропись // ИРЛИ. Мезен. собр., № 71; Письмо Никиты Филиппова с семьей Прохору Филиппову. XIX в. (конец), в 4-ку, 2 л., скоропись //Там же. № 72; Письмо Петра Ивановича и Авдотьи Филипповны Прохору Филипповичу. XIX в. (конец), в 4-ку, 1 л., скоропись // Там же. №75.

14. ИРЛИ. Мезен. Собр., №72. Л.2.

15. ВУФ ГАВО. Ф.265. Оп.1. Д.119. Л.50.

16. И.М.Матев – удорский книжник и переписчик книг, благодаря

которому был создан основной корпус коллекции Рахмановых — Матевых, ныне хранящейся в д.Пучкоме Удорского края у родственницы И.М.Матева М.И.Палевой.

17. Копия переписки И.М.Матева с И.А.Бурачниным. XIX (втор. пол.), в 4-ку, 2л., полуустав // Коллекция Рахмановых — Матевых. №1.

18. Местные старообрядцы-филипповцы разделялись на более мелкие религиозные толки, получившие свои наименования по фамилиям местных наставников: бозовцы, созоновцы, рахмановцы и др. Самым многочисленным и распространенным среди местных старообрядцев был бозовский толк.

19. Копия переписки И. М. Матева. Л.1.

20. Письмо Дарье Ал. [Коровиной] от вологодских стариц. XX в. (середина), в 4-ку, 1 л., скоропись. Л.1 // Частное собрание А.П.Лимеровой (д.Муфтюга).

21. Письмо А.Н.Федоровой от вологодских стариц. XX в. (середина), в 4-ку, 1 л., скоропись. Л.1 // Частное собрание А.Н.Федоровой (д.Муфтюга).

22. Письмо Анисье Аврамовне Коровиной от вологодских стариц. XX в. (середина), , 11 л., гражданская скоропись, подражание печатному // Частное собрание рукописных и старопечатных книг Давыдовых—Коровиных (с.Чупрово).

23. Пятницкий И. К. Указ. соч. С.95—99; Мальцев А.И. Указ. соч. С.122—132.

24. Письмо Дарье [Коровиной] и Александре Николаевне [Федоровой] от вологодских стариц. XX в. (середина), в 4-ку, 1 л., скоропись. Л.1 // Частное собрание А.Н.Федоровой.